

Л. Г. Ким

Кемеровский государственный университет

**Об одном факторе, обуславливающем
амфиболическое функционирование
высказывания**

При осмыслении обозначенной проблемы мы исходим из следующих теоретических установок. Актуальным для нас является ставшее уже классическим положение С.О. Карцевского об асимметрии плана выражения и плана содержания единиц языка, т.е. утверждение, что одно и то же означающее в разных случаях своего употребления может служить для передачи разных означаемых. Следствием этого оказывается объективно существующее явление омонимии, которое давно и заслуженно привлекало внимание лингвистов и которое вызвало к себе новый интерес в рамках коммуникативно-деятельностной концепции языка [Колесников, 1981; Голев, 1999, 2000, 2001, 2002; Лаптева, 2003]. Так, в цикле своих статей Н.Д. Голев формулирует функциональные критерии дифференциации омонимических единиц и расширяет понятие омонимии. В его работах утверждается статус этого феномена как явления, обладающего широким спектром функционирования, которое Н.Д. Голев предложил назвать *амфиболическим*. Термин *амфиболия* (греч. *amphibolia* – двойственность, двусмысленность) в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» определяется как «неясность выражения, допускающего два различных истолкования» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 21].

При коммуникативно-деятельностном подходе к анализу единиц, обладающих амфиболическим потенциалом, говорящий и слушающий рассматриваются как равноправные участники процесса общения. Это положение опирается на идеи А.А. Потебни о том, что процесс общения не есть передача готовой мысли, и понимание – это «создание известного содержания в себе самом по поводу внешних возбуждений» [Потебня, 1976, с. 183], дающих только направление творческой мысли, настраивающих слушающего гармонически с говорящим. Слушающий, «понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом мысли говорящего» [Потебня, 1976, с. 307].

При этом и у отправителя, и у получателя речи может быть разная степень потребности в структурной подробности, детализированности речи. Если эта степень подробности у участников коммуникативного акта неодинакова, восприятие текстового содержания и его понимание затрудняются. «Проблема понимания вновь вырисовывается как проблема степени совмещения двух индивидуальных сфер языкового мышления» [Лаптева, 2003, с. 31].

Понимание/непонимание зачастую есть следствие экономии речевых усилий, т.е. сил и затрат для достижения результата коммуникации. Этот принцип непосредственно соотносится с языковым (речевым) явлением эллипсиса и эллиптичности речи, или «словесным умолчанием». Под «словесным умолчанием» М.А. Шелякин понимает «любое опосредственное, без использования отдельных словесных единиц, выражение той или иной информации, основанное на едином механизме – противопоставлении “словесного ничто” “словесному нечто”» [Шелякин, 2002, с. 190]. «Ничто обычно противопоставляют (всякому) нечто; но не

что есть уже определенное сущее, отличающееся от другого нечто; таким образом и ничто, противопоставляемое (всякому) нечто, есть ничто какого-нибудь нечто, определенное ничто» [Гегель, 1970, с. 141. Цит. по: Шелякин, 2002, с. 190]. Иными словами, имея в тексте «ничто» (словесное умолчание), каждый из его интерпретаторов наделяет это «ничто» конкретным «нечто» или под неким «ничто» говорящий подразумевает нечто-1, а слушающие, вполне возможно, – нечто-2, нечто-3 и т.д. Всякое высказывание амфиболично, потому что неизбежен конфликт между конечным числом языковых средств выражения и бесконечным числом смыслов, нуждающихся в оформлении. Об этом же пишет Н.Д. Голев: «По-видимому, любое речевое произведение, взятое отвлеченно, содержит в себе потенциал множественности интерпретации и соответственно – потенциал конфликтности автора и адресата, возникающий как в силу недостатка эксплицитности, так и в силу переизбытка имплицитности. Любое речевое произведение в этом смысле – свернутая (виртуальная) конфликтогенная ситуация» [Голев, 2004, с. 114].

Приведем пример коммуникативной ситуации, наблюдаемой нами в реальной жизни.

Поликлиника. Входит пациент, обращается к сидящим в коридоре больным, указывая на дверь рентгенкабинета:

– *Никого нет?*

– *Есть, – отвечают в очереди.*

– *Кто последний?*

– *Никого нет.*

– *Не понял...*

– *К врачу никого нет, но в кабинете уже есть больной.*

Непонимание в данной ситуации обусловлено крайней эллиптичностью реплик участников диалога, наличием «ничто». Фразы *Никого нет* и *Есть* являются амфиболическими и интерпретируются участниками ситуации различным образом, что мы и наблюдали. Так, во фразу *Никого нет*, содержащую «ничто», отправитель сообщения (вошедший в поликлинику пациент) вкладывает следующий смысл: «Из сидящих никого нет в рентгенкабинет?» (нечто-1). Получатель (сидящие в очереди) извлекает смысл: «Никого нет в кабинете врача?» (нечто-2). Соответственно, фразу *Есть* вошедший интерпретирует как «Есть очередь к врачу», отсюда его вопрос *Кто последний?*, а сидящие в эту же фразу *Есть* вкладывают смысл «Есть в кабинете врача пациент». На схеме это выглядит следующим образом:

Вошедший

– *Никого нет*

[в рентгенкабинет из сидящих]?

– *Есть [очередь]*

– *Кто последний?*

Сидящие

– *Никого нет*

[в рентгенкабинете]?

– *Есть*

[пациент в кабинете].

Здесь видно, что внутри столбцов посылаемая и получаемая информация соответствуют друг другу, т.е. участники коммуникативного акта произносят реальную фразу, а извлекают актуальный (а не реальный) смысл из полученного сообщения, что и вызывает в итоге непонимание.

Н.Д. Голев назвал подобные высказывания пресуппозитивными омонимами [Голев, 2001]. Эти единицы характеризуются тем, что у участников коммуникативного акта отсутствует общая апперцепционная база, т.е. при порождении и восприятии текста они исходят из разных пресуппозиций. В сознании говорящего имеется некоторое смысловое содержание, оформленное в усеченном, редуцированном виде. При его вербализации говорящий выражает в первую очередь акту-

альные для него смыслы. Слушающий же, воспринимая форму высказывания, семантизирует ее. При наличии/отсутствии определенных условий результат семантизации может совпадать или не совпадать с коммуникативным намерением говорящего. Приведем пример такого совпадения.

Из класса, где сдают экзамены, выходит ученик.

– Ну, что? – спрашивают его товарищи.

– Пять, – отвечает он улыбаясь [Федоров, 1972, с. 159].

Обстановка, в которой происходит этот диалог, подсказывает недостающие компоненты: – Ну, что [тебе поставили]? или – Ну, что [ты получил]? – Пять [я получил]. Неэксплицированные члены предложения подсказываются ситуацией (диалог происходит возле класса, где сдают экзамены, участники диалога являются коммуникантами одной ситуации). Иными словами, «ничто» говорящего и слушающего соответствует одно и то же «нечто». И еще пример:

– Ну что, сдал?

– Сдал. Четыре.

– А почему не пять?

– У пятой бутылки горлышко отбито.

Как видим, эти же средства (*пять*) используются для выражения иного содержания. Причем и в этой ситуации говорящий и слушающий понимают друг друга. Объективно же мы, как и в предыдущем примере, тоже имеем «ничто», которому соответствует, однако, уже другое «нечто».

Материалом для наших дальнейших наблюдений являются тексты анекдотов, представленные в диалоговой вопросно-ответной форме, моделирующие некоторую коммуникативную ситуацию. Реплики персонажей отличаются недостатком эксплицитности, что обуславливает их множественную интерпретацию. Необходимо подчеркнуть, что анекдот интересует нас не как самостоятельный текст, характеризующийся жанровым, тематическим и языковым своеобразием [см. соответствующие работы А.Д. Шмелева, Е.А. Шмелевой, 2002], а как модель коммуникативной ситуации, где в концентрированной форме оказывается реализован амфиболический потенциал языка. Например:

В больнице:

– Сестра, спросите пострадавшего, как его фамилия, **чтобы мы могли сообщить его родителям.**

– Доктор, он говорит, что его родители прекрасно знают, как его фамилия.

Ниже представим типы речевых единиц, характеризующихся амфиболическим функционированием. Типология строится с учетом пропозициональной структуры высказывания [Лебедева, 1999], т.е. отмечаем имплицитные (немаркированные) компоненты пропозиции (субъект, объект, предикат), а также положение (перспективные, ретроспективные) по отношению к маркированной пропозиции. Недостаток эксплицитности семантического и формального уровня высказывания обуславливает неоднозначную его интерпретацию. Ответ слушающего является своего рода опредмеченной интерпретацией вопроса говорящего. «Неугадывание» интенций говорящего предопределено большим/меньшим объемом или протяженностью неэксплицированной информации (от 1 слова, знаменательного или служебного, до целого высказывания), а также типом неэксплицированного компонента.

Незамещенность позиции объектного актанта при глаголе.

– Вы слышали? **Андропов сломал руку.**

– Кому?

С позиции говорящего, а также в аспекте языковой нормы фраза *Андропов сломал руку* в смысловом и структурном отношении является полным предложением, поскольку «словесное умолчание», неэксплицированность объектного компонента [*себе*] предопределена языковой нормой, и говорящий рассчитывает

на ситуативную самоочевидность умалчиваемого компонента информации. С позиции слушающего, для которого актуализируется в первую очередь субъектный компонент (Ю.В. Андропов – Председатель КГБ, т.е. одного из силовых ведомств) более вероятной является иная ситуация, т.е. Андропов, в процессе профессиональной деятельности, нанес увечье какому-либо лицу.

– *Вы видели, как преступник задушил вашу тещу?*

– *Видел, господин судья.*

– *Почему же вы не бросились на помощь?*

– *Я хотел, но когда увидел, что он и сам справится, решил не вмешиваться.*

Фраза *Почему же вы не бросились на помощь?* есть неполное в структурном отношении предложение (не реализован объектный компонент). Причем объект (*теща*), с позиции говорящего, не нуждается в экспликации в силу его самоочевидности, а с позиции слушающего объектом является другое лицо (*преступник*). Следовательно, в смысловом плане эта фраза есть полное предложение как для говорящего, так и для слушающего.

Незамещенность позиции субъектного компонента

Отец читает сказку маленькому сынишке. Через некоторое время воцаряется молчание. Мать осторожно открывает дверь и спрашивает шепотом:

– *Ну как, **заснул**?*

– *Да, – вздыхает малыши.*

В структурном отношении фраза *заснул* представляет собой двусоставное неполное предложение с отсутствующим подлежащим, обозначающим субъекта действия. Для говорящего (матери) нет необходимости эксплицировать субъектный компонент, поскольку он является темой сообщения, в то время как эксплицируется рема. С позиции слушающего (ребенка), вполне очевиден субъект действия, поэтому также нет потребности в его экспликации. Амфиболия высказывания обусловлена тем, что говорящий и слушающий «связывают» предикат с разными субъектами.

– *Меня уже много раз уговаривали **выйти замуж**, – сказала деревенская девушка.*

– *Кто же тебя уговаривал?*

– *Да папа с мамой.*

Фраза *Меня уже много раз уговаривали **выйти замуж*** представляет собой полное односоставное неопределенно-личное предложение. Отсутствие субъекта в подобных предложениях предопределено языковой нормой. Для слушающего очевиден предполагаемый субъект действия – потенциальные женихи, для говорящего – родители, что переводит предложение из разряда односоставных неопределенно-личных в разряд двусоставных неполных. Следовательно, эта же фраза *Меня уже много раз уговаривали **выйти замуж*** в том смысле, который вкладывается в нее говорящее лицо, является неполным предложением.

Незамещенность позиции предиката

– *Я отучила мужа **приходить** домой не вовремя.*

– *Как?*

– *Когда он заходит с улицы в коридор, я спрашиваю: «**Это ты, Вася?**»*

– ***А он?***

– *А он – Коля.*

Здесь также несовпадение предиката: говорящий подразумевает глагольный предикат *что сказал*, а слушающий – именной. Причем с позиции и говорящего, и слушающего предложение *А он?* представляет собой двусоставное неполное.

Незамещенность позиции атрибутива при субстантиве

Ночью слышится стук в окно:

– *Хозяева, **вам дрова нужны?***

– *Нет.*

Утром хозяева проснулись – дров нет.

Говорящий и слушающий имеют в виду «разные» дрова: говорящий – принадлежащие хозяину, лежащие во дворе, т.е. «чужие» по отношению к себе, но «свои» для хозяина, а слушающий – те, которые привезли ночные гости, принадлежащие стучащим в окно людям, т.е. «чужие» для него, но «свои» для говорящего. Отсутствие атрибутива при существительном *дрова*, словесное умолчание, конфликт в восприятии «свой – чужой» провоцирует амфиболию высказывания. При этом с точки зрения формальной организации предложение полное.

Два милиционера собираются на день рождения к своему другу:

– *Давай подарим ему книгу : книга – лучший подарок.*

– *У него уже есть книга.*

Неэксплицированность атрибутива при существительном *книга* создает конфликт категории «определенность» – «неопределенность». Во фразе *Книга – лучший подарок* имеется в виду всякая книга, любая книга, книга вообще, книга как объект дарения, как вид подарка (неопределенность), а во фразе *У него уже есть книга* говорящий подразумевает конкретную книгу (определенность).

Незамещенность позиции субстантива при атрибутиве

Встречаются два кандидата наук:

– *Что у тебя в портфеле, небось докторская?*

– *Нет, ливерная.*

Незамещенность позиции семантических союзов или союзных скреп, эксплицирующих смысловые отношения частей простого или сложного предложения

Жена:

– *Я была душой, выходя за тебя замуж!*

– *Да, но я был тогда так увлечен тобой, что этого не заметил.*

Говорящий фразой *Я была душой, выходя за тебя замуж* выражает причинные отношения, неэксплицирован союз *потому что*, а слушающий «слышит» здесь временные отношения, которые можно выразить с помощью союзов *когда*, *в то время когда*. Аналогична невыраженность союза в следующем диалоге:

Пограничник – проходящему человеку:

– *Стой, стрелять буду.*

– *Стою.*

– *Стреляю!*

Незамещенность позиции пресуппозитивного мотивирующего высказывания

Звонок в скорую:

– *Скорая слушает.*

– *Мой ребенок проглотил авторучку!*

– *Хорошо, мы выезжаем.*

– *А что мне делать?*

– *Пишите пока карандашом.*

Произнося фразу *А что мне делать?* Говорящий исходит из пресуппозиции: [я должен оказать первую помощь до приезда врача], а слушающий – [мне необходимо срочно написать нечто]. Отсутствие такого мотивирующего высказывания позволяет различным образом интерпретировать вопрос.

На состязании по водному поло тренер кричит своему игроку, завладевшему мячом и рвущемуся к воротам противника: «Отдай мяч Гиви!». Игрок, видя, что Гиви далеко позади, а ворота соперника близко, устремляется вперед, забивает гол и торжествующе кричит тренеру: «Вот видите, я забил гол!». Тренер отвечает: «Гол-то ты забил, а Гиви утонул».

Отсутствие препозиционного мотивирующего высказывания [Гиви тонет, поэтому...] или [Гол должен забить Гиви, поэтому...] характеризует анализируемую фразу как неясную, двусмысленную.

Незамещенность позиции высказывания-следствия

– *Пора поливать сад, – говорит непререкаемым тоном жена мужу.*

– *Но ведь дождь льет как из ведра, – робко возражает он.*

– *Ну и что? Надень плащ.*

Фраза *Дождь льет как из ведра* предполагает следствие-1 [Сад поливать не нужно] и следствие-2 [Можно промокнуть и подхватить простуду]. Говорящий предполагает следствие-1, а слушающий реагирует на следствие -2.

Таким образом, недостаток эксплицитности, словесное умолчание в высказывании говорящего является условием вариативности /множественности интерпретации его смысла слушающим, т.е. обуславливает его амфиболический потенциал. В этом случае понятие полноты/неполноты структурной и смысловой организации высказывания является относительным, зависящим от возможности/невозможности его вариативной интерпретации.

Литература

Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Соч. в 4 т. М., 1970. Т. 1.

Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 1. Общие вопросы. Лексические омофоны и омографы // «Известия Алтайского госуниверситета». Серия «История. Педагогика. Филология. Философия». 1999. № 4 (14). С. 94-101.

Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 2. Синтагмовые омофоны // «Известия Алтайского госуниверситета». Серия «История. Филология. Педагогика». 2000. № 4. С. 80-85.

Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 3. Синтаксические омофоны и омографы // «Известия Алтайского госуниверситета». Серия «История. Филология. Философия и педагогика». 2001. № 4 (22). С. 39-46.

Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 4. Функциональный аспект // «Известия Алтайского госуниверситета». Серия «История. Филология. Философия и педагогика». 2002. № 4. С. 39-46.

Голев Н.Д. Множественность интерпретации речевых произведений как фактор коммуникативного конфликта между их автором и адресатом // Житниковские чтения VII. Диалог языков и культур в гуманитарной парадигме: Материалы международной научной конференции 5-6 октября 2004 г. Челябинск. С. 114-116.

Колесников Н.П. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов-на-Дону, 1981.

Лаптева О.А. Речевые возможности текстовой омонимии. М., 2003.

Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики. Томск, 1999.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Федоров А.К. Трудные вопросы синтаксиса. М., 1972.

Шелякин М.А. Знаковые функции умолчания синтаксисом в простых предложениях русского языка // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 190-197.

Шмелева Е.А., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002.